

0638

HARLEQUIN®

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Луиза Фуллер

**ЛЮБОВЬ
ПО РАСПИСАНИЮ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Луиза Фуллер

Любовь по расписанию

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Фуллер Л.

Любовь по расписанию / Л. Фуллер — «Центрполиграф»,
2015 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06847-7

Отправляясь на работу в Венгрию, англичанка Пруденс Эллиот даже представить себе не могла, что ее новым боссом окажется ее муж Ласло, с которым она рассталась семь лет назад... Смогут ли они простить друг другу старые обиды?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-06847-7

© Фуллер Л., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Луиза Фуллер

Любовь по расписанию

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании лицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Vows Made in Secret

© 2015 by Louise Fuller

«Любовь по расписанию»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Нахмурившись, Ласло Циффра де Жадань уставился на молодую женщину с гладкими светлыми волосами. Он заметил контраст между мягким, невинным взглядом ее серых глаз и чувственным обещанием пухлых губ.

Она красива. Так красива, что не любоваться ею просто невозможно. Подобная красота может соблазнять и поработать. Ради такой женщины мужчина может отречься от престола, предать родину и утратить здравый смысл.

Ласло мрачно улыбнулся. Он мог бы жениться на такой красавице!

Его улыбка поблекла, и он, взволнованный и раздраженный, наклонился и присмотрелся к витиеватой подписи внизу картины. Каталин Чешнек де Веспрем. Несмотря на то что его взгляд был прикован к подписи, все его мысли были о натурщице. Он стиснул зубы. Почему эта картина так его волнует? Сразу, как только он задал себе этот вопрос, он уклонился от ответа на него.

Гнев боролся в его душе с болью, когда он посмотрел на лицо натурщицы и увидел не Каталин, а другую женщину, чьего имени никогда не произносил вслух, словно боялся, что оно обожжет ему губы. Разумеется, эта женщина не была точной копией той. У них был одинаковый цвет волос и глаз и форма подбородка, но на этом их сходство заканчивалось.

Сбитый с толку внезапно нахлынувшими эмоциями, Ласло с тоской посмотрел в окно на венгерский сельский пейзаж. Когда тишину нарушило знакомое уханье, он замер. «Услышать при свете дня крик совы – плохая примета», – подумал он, ища взглядом ночную птицу в ярко-голубом небе.

За спиной у него раздался глухой звук. Это его пес Бешник, метис овчарки и борзой, лег на пол. Вздохнув, Ласло наклонился и потрепал уши собаки.

– Ты прав, – мягко сказал он. – Пора завтракать. Пойдем, пока я не начал считать ворон. – Выпрямившись, он щелкнул пальцами, и Бешник тут же поднялся и побежал к двери.

Ласло медленно шел по коридорам замка. Полированные деревянные панели на стенах блестели, в воздухе пахло воском и лавандой. Спустившись по лестнице, он прошел мимо кабинета своего дедушки и обнаружил, что дверь приоткрыта. Заглянув внутрь, он, к своему удивлению, обнаружил, что его дедушка Янош сидит за столом.

При виде его сердце Ласло сжалось. Дедушка выглядел хрупким и болезненным. После смерти его жены Аннушки прошло больше шести лет, но он до сих пор тяжело переживал утрату. На мгновение Ласло задержался у двери, но заходить в кабинет все-таки не стал, почувствовав, что Яношу нужно побыть одному.

«Интересно, зачем дедушка так рано встал?» – подумал Ласло и тут же вспомнил о том, что сегодня приезжает Эдмунд Сеймур.

Неудивительно, что Яношу не спится. Коллекционирование предметов искусства было его любимым хобби, которому он отдавался со всей страстью больше трех десятков лет. Сегодня он впервые покажет свою коллекцию постороннему человеку – эксперту из Лондона.

Ласло поморщился. Он инстинктивно не доверял незнакомцам и чувствовал неприязнь к Сеймуру, человеку, с которым ни разу не встречался и даже не разговаривал по телефону. К сожалению, ему придется несколько недель терпеть общество этого человека.

Толкнув плечом дверь, он осмотрел кухню и облегченно вздохнул. Роза еще не встала. Отлично! Он пока не готов к ее пылкому взгляду. Если не считать дедушки, она была единственным человеком, от которого он не мог скрывать свои чувства. Разница заключалась в том, что Роза, в отличие от Яноша, не стеснялась задавать ему вопросы личного характера.

Когда Ласло открыл дверцу огромного холодильника и увидел разнообразие салатов и мясных деликатесов, он сразу почувствовал, как его настроение улучшается. Во время продол-

жительной болезни его бабушки вкусная еда стала для него утешением. Еще до ее смерти он вложил средства в ресторан в центре Будапешта. Это был рискованный проект, над которым ему пришлось много работать. Его старания не пропали даром. Сейчас он уже был владельцем успешной сети ресторанов.

Ласло вскинул подбородок. Теперь он не просто внук Яноша Олмеша де Жадань, а состоятельный бизнесмен.

Он вздохнул. Не то чтобы он не гордился тем, что носил фамилию де Жадань, просто эта фамилия налагала на него определенную ответственность. Например, сегодня ему нужно принять человека, которого он совсем не желает видеть. Было бы здорово, если бы Сеймур отменил свой визит.

Едва он успел об этом подумать, как в кармане у него завибрировал мобильный телефон. Ошеломленный, он закрыл холодильник, достал телефон и, увидев на экране имя Якоба Френкеля, почувствовал облегчение и некоторое сожаление.

– Ласло? Я подумал, что ты уже встал, и решил позвонить тебе, чтобы напомнить, что сегодня к нам приезжает важный гость.

Ласло покачал головой. Позвонить, чтобы о чем-то ему напомнить, вполне в духе Якоба. Поверенный семьи де Жадань хороший человек, но Ласло все равно держал с ним ухо остро, как и с другими чужаками. История, которая произошла с ним семь лет назад, послужила ему хорошим уроком.

– Я знаю, вы мне не поверите, Якоб, но я помню, что должно произойти сегодня.

Френкель нервно рассмеялся:

– Отлично. Я уже отдал распоряжения шоферу. Было бы здорово, если бы ты был дома и поприветствовал гостя.

– Разумеется, я это сделаю, – перебил его Ласло, Поняв, что это прозвучало грубо, он добавил: – Я хочу его поприветствовать. Если я могу сделать что-то еще, дайте мне знать.

– Конечно. Но я уверен, что в этом не будет необходимости, – поспешно ответил Якоб, который, очевидно, желал как можно скорее закончить разговор.

Большую часть своей жизни Ласло считал хобби Яноша скучным и бессмысленным занятием, но смерть бабушки заставила его поменять свое мнение.

После ее смерти жизнь в замке стала унылой и безрадостной. Янош был безутешен. Потеря жены стала для него таким тяжелым потрясением, что он надолго впал в депрессию. Недели складывались в месяцы, месяцы – в годы. Ласло был в отчаянии. Ему казалось, что его дедушке уже ничто не сможет помочь, но, к счастью, он ошибся. Неожиданно Янош стал почти таким же, как прежде. Причина улучшения тоже была неожиданной. Однажды он нашел их с Аннушкой письма, адресованные друг другу, которые напомнили ему об их общей страсти к искусству.

Тогда Ласло осторожно предложил дедушке вернуться к его старому хобби. Янош, к его удивлению, вновь начал проявлять интерес к своей коллекции и вышел из состояния апатии. После этого он неожиданно заявил, что хочет составить каталог своей внушительной коллекции и пригласил в Кастели Олмеша Эдмунда Сеймура, владельца крупной аукционной фирмы в Лондоне.

Ласло поморщился. Благополучие дедушки было для него превыше всего, но как ему привыкнуть к присутствию в доме постороннего человека?

Голос Якоба нарушил ход его мыслей.

– Я знаю, как ты не любишь чужаков. – Поверенный неловко прокашлялся. – Я бы хотел узнать, как ты...

– В замке более тридцати комнат, Якоб, – перебил его Ласло, – так что одного-единственного гостя я как-нибудь потерплю.

Внезапно он почувствовал неприязнь к самому себе. Сеймур может остаться хоть на год, если это сделает его дедушку счастливым. Да и что такое несколько недель? После смерти Аннушки время перестало иметь значение. Ничто теперь не было важно, кроме здоровья дедушки.

– Я справлюсь, – повторил он.

– Конечно, справишься. – Якоб Френкель нервно рассмеялся. – Возможно, тебе даже понравится. Вчера Янош сказал мне, что визит Сеймура – это подходящая возможность пригласить соседей на ужин. Сеченьи приятные люди. Их дочь примерно твоего возраста.

Внезапно просторная светлая комната показалась Ласло холодной и мрачной, как могила. Его сердце учащенно забилося, пальцы крепко вцепились в телефон.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, он ответил:

– Я об этом подумаю. Хотя вполне возможно, что наш гость предпочитает картины людям.

Ласло знал, чего на самом деле хочет его дедушка. Янош втайне мечтает о том, чтобы его единственный внук нашел свою вторую половинку и женился. Янош был сорок лет счастлив в браке и думает, что это не редкость.

Ласло сжал руки в кулаки. Если бы он мог жениться на такой милой девушке, как Агнеш Сеченьи, это порадовало бы Яноша больше, чем профессионально составленный каталог его коллекции.

Но этого не произойдет никогда. У Ласло есть секрет, и, как бы ни старался Янош, ему не удастся найти жену для своего внука.

– Ты внимательно прочитала мои записи, Пруденс?

Убрав за ухо прядь волос, Пруденс Эллиот глубоко вдохнула и мысленно сосчитала до десяти. Ее самолет приземлился в Венгрии всего час назад, но дядя Эдмунд звонил ей уже в третий раз – проверял ее.

– Не подумай, что я тебе не доверяю, но мне бы очень хотелось быть сейчас там с тобой, – продолжил Эдмунд. – Ты меня понимаешь?

Разумеется, она понимала. Ее дядя создал на пустом месте аукционную фирму. Сегодняшний день, безусловно, должен был стать самым важным в его карьере. Каталогизация легендарной коллекции венгерского миллиардера-отшельника Яноша Олмеша де Жадань – уникальная возможность применить накопленные знания и опыт.

Пруденс помнила радостное волнение и страх, появившиеся на лице Эдмунда, когда его пригласили в замок мистера де Жадань в Венгрии.

– Это же современный Медичи, Пруденс, – сказал он ей тогда. – Никто не может точно сказать, какие именно предметы находятся в его коллекции, но говорят, что ее стоимость превышает миллиард долларов.

Это Эдмунд с его тридцатилетним опытом должен был сидеть в шикарном лимузине мистера де Жадань, а не она. Кроме рекомендаций дяди, у нее почти ничего нет. Но Эдмунд сейчас восстанавливается дома после тяжелого приступа астмы. Врачи запретили ему вставать с постели.

Закусив губу, Пруденс посмотрела на темные поля за окном. Она не хотела сюда ехать, но у нее не было выбора. Бизнес Эдмунда сейчас в опасности. Его долги растут как снежный ком. Денег, которые заплатит ей де Жадань, хватит, чтобы покрыть эти долги. Поверенный семьи де Жадань заявил, что работу нужно начинать немедленно, и Пруденс не осталось ничего другого, как полететь в Венгрию вместо своего дяди.

На другом конце линии раздался вздох.

– Прости, моя девочка, – мягко произнес Эдмунд. – Мне не следует на тебя ворчать. Ты отлично во всем разбираешься.

Пруденс почувствовала себя виноватой. Дядя Эдмунд был ей как отец. Он дал ей дом, работу и чувство защищенности. Она не собирается подводить его сейчас, когда ему нужна ее помощь.

Сделав глубокий вдох, она произнесла как можно более уверенным тоном:

– Пожалуйста, не беспокойся, Эдмунд. Если у меня возникнут какие-то вопросы, я тебе позвоню. Все будет в порядке. Обещаю.

Попрощавшись с ней, он разорвал соединение, и Пруденс, облегченно вздохнув, откинулась на спинку кожаного сиденья и закрыла глаза. Не успела она расслабиться, как лимузин сбавил скорость, и она, открыв их снова, увидела, как перед ними распахнулись высокие кованые ворота. Через несколько минут автомобиль остановился перед огромным замком из серого камня, который словно сошел с обложки книги сказок.

Пожилая женщина открыла ей дверь и проводила ее в уютное помещение, наполненное мягким светом настольных ламп. В камине потрескивали дрова. Только она собралась сесть на софу с выгоревшей обивкой, как увидела картину. Ее пульс тут же участился. Она подошла ближе к картине и дрожащей рукой легонько дотронулась до рамы, после чего медленно обвела взглядом стены. У нее захватило дух при виде двух полотен Пикассо, относящихся к розовому периоду, восхитительного полотна Кандинского, портрета Рембрандта, который, несомненно, привел бы в восторг Эдмунда, и пары гравюр Люсьена Фрейда, изображающих спящую гончую.

Она все еще пребывала в состоянии приятного потрясения, когда веселый голос у нее за спиной мягко произнес:

– Пожалуйста. Смотрите на них, сколько хотите. Мы уже давно не обращаем на эти картины никакого внимания.

Лицо Пруденс вспыхнуло. Быть застигнутой врасплох, разгуливая по чужой гостиной, – это одно дело. Совсем другое – когда хозяин дома один из богатейших людей в Европе.

– Простите, – пробормотала она, поворачиваясь. – Я не...

Внезапно она потеряла дар речи, потому что перед ней стоял не Янош Олмеш де Жадань, а Ласло Циффра.

Ласло Циффра. Когда-то имя этого человека казалось ей прекрасной музыкой. Сейчас, произнеся его про себя, она не почувствовала ничего, кроме горечи.

Ей казалось, что стены комнаты вот-вот упадут, и замок сложится, словно карточный домик.

Нет, это не может быть Ласло. Но чем больше она смотрела на стоящего перед ней мужчину, тем больше убеждалась, что перед ней стоит именно Ласло. С высокими скулами, блестящими черными волосами и глазами цвета янтаря, он был тем же красивым цыганским юношей, в которого она когда-то влюбилась. Точнее, теперь это был не юноша, а широкоплечий взрослый мужчина. Что-то ей подсказывало, что он остепенился. Но сильнее всего изменился его взгляд. Раньше, когда он видел ее, в его глазах вспыхивал огонь страсти. Сейчас его взгляд был холодным и безжизненным.

У Пруденс кружилась голова. Ее грудь так сильно сдавило, что она едва могла дышать.

Ласло был ее первой любовью и ее первым мужчиной. Раньше он был подобен яркому солнечному свету и урагану. Ни одного мужчину в своей жизни она не хотела так, как его. Когда он обратил на нее внимание, она пришла в неопишуемый восторг и почувствовала себя на седьмом небе от счастья. Его любовь казалась ей такой же постоянной, как восходы и закаты.

Так ей казалось семь лет назад, но она ошибалась. Его чувства к ней были яркими, но кратковременными, как полет метеора.

Пруденс сглотнула. История с Ласло – самое ужасное, что с ней когда-либо случилось. После недолгих дней блаженства, когда она думала, что он ее любит, наступила безнадежная темнота. И вот сейчас, вопреки логике и здравому смыслу, он стоит перед ней, словно призрак потерянного рая.

Он нереальный, правда? Но даже если он настоящий, что он здесь делает? Она тупо уставилась на него, ища ответы на свои вопросы. В последний раз она его видела, когда его заталкивали в полицейскую машину. При воспоминании об этом ее сердце сжалось.

Ласло не место в этом замке, но почему-то он выглядит так, словно он здесь хозяин.

Она думала, что он пошел по наклонной, поэтому видеть его среди всей этой роскоши было весьма странно.

– Что т-ты здесь делаешь? – пробормотала она.

Ласло с невозмутимым лицом смотрел на Пруденс, хотя ему казалось, будто весь мир перевернулся. В его голове роились догадки одна абсурднее другой и воспоминания об их коротком романе, который был обречен с самого начала.

Его охватил гнев, но он был так потрясен, что не мог подобрать слова, чтобы его выразить. Ему пришлось приложить невероятные усилия, чтобы выбросить из головы все, что было связано с этой женщиной.

– Я мог бы задать тебе этот же вопрос, – произнес он ледяным тоном.

Вдруг до него дошло, что он только сегодня вспоминал о ней, когда смотрел на одну из картин своего дедушки. Наверное, крик совы при свете дня – на самом деле плохой знак.

Совершенно очевидно, что она приехала сюда не к нему. Ее потрясение слишком очевидно. Но в таком случае что она здесь делает?

Прищурив глаза, он уставился на нее в ожидании ответа.

Пруденс казалось, что ей все это снится. Другого объяснения у нее не было. Что может делать Ласло Циффра в уединенном замке в венгерской провинции? Вдруг ее осенила догадка, от которой ее бросило в дрожь. Что, если он работает на мистера де Жадань?

При воспоминании о том, как холодно он на нее посмотрел, когда она сказала ему, что уходит от него, ей вдруг стало дурно. Но они расстались семь лет назад. Определенно, они могут по прошествии стольких лет быть, по крайней мере, вежливыми друг с другом. Но вместо безразличия или любопытства она видела в его глазах ледяное презрение.

– Я не понимаю... – Ласло направился к ней, и она осеклась. – Что ты здесь делаешь? Тебя не может здесь быть.

– Но я здесь, – ответил он. – Почему ты дрожишь, дорогая?

Обращение, которое она слышала от него много раз прежде, потрясло ее, и она забыла о том, что он задал ей вопрос. Они просто стояли и молча смотрели друг на друга, как часто делали прежде.

– А-а, вы уже здесь. Простите, что опоздал. Движение было ужасное.

Голос, донесшийся из дверей, заставил их обоих вздрогнуть. В комнату быстро вошел пожилой мужчина с густыми пепельно-русыми волосами. Повернувшись лицом к Пруденс, он засунул под мышку папку с бумагами и протянул ей руку:

– Простите, что не встретил вас в аэропорту, мисс Эллиот. Надеюсь, вы получили мое сообщение.

Пруденс все еще испытывала потрясение, поэтому смогла лишь кивнуть в ответ. Приход этого человека, которого несколько не удивило присутствие Ласло, позволил ей перевести дух, но лишь на миг.

Посмотрев на Ласло, мужчина прокашлялся.

– Вижу, вы уже познакомились. Разрешите вам представиться, мисс Эллиот. Я Якоб Френкель. Я работаю в юридической фирме, которая представляет интересы мистера де Жадань. Позвольте мне выразить вам благодарность от лица семьи де Жадань за то, что вы в последний момент пришли нам на выручку. Это очень мило с вашей стороны.

Внутри у Ласло все оборвалось. Его разум никак не хотел осознавать происходящее. Якоб сообщил ему, что Эдмунд Сеймур заболел и вместо него придет кто-то другой. Ласло тут же об этом забыл. Для него все чужаки одинаковые. Но внезапно до него дошло, что, раз Пруденс

Эллиот приехала, чтобы заменить Сеймура, они будут жить под одной крышей, и никто не знает, сколько это продлится.

– Всегда рада помочь, – ответила Пруденс.

Якоб Френкель кивнул и нервно перевел взгляд с Пруденс на Ласло:

– Мы все вам очень благодарны.

Пруденс слабо улыбнулась и открыла рот, чтобы ответить на любезность, но Ласло ее перебил:

– Гонорара, который получит мисс Эллиот, будет достаточно, чтобы купить свой собственный замок. Не думаю, что она нуждается в нашей благодарности.

Внутренне содрогнувшись от его враждебного тона и ледяного взгляда, Пруденс подумала, что он совсем не похож на человека, которого она любила семь лет назад. Судя по тому, как поверенный держался с Ласло, тот играл весьма важную роль в этом доме. Возможно, он даже здесь живет.

На ее глаза навернулись слезы. Она бессильна в сложившейся ситуации, поскольку приехала сюда работать и не может подвести своего дядю.

Гордо подняв голову, она посмотрела на поверенного:

– Вы очень добры, мистер Френкель. Спасибо, что разрешили мне приехать. Это прекрасная возможность для развития моей карьеры. Надеюсь, что смогу оправдать ваши ожидания.

– Об этом даже не беспокойтесь, – усмехнулся Ласло. – У нас очень небольшие ожидания.

После напряженной паузы Френкель издал нервный смешок.

– Мистер Циффра хотел сказать...

– Что дальше мы с мисс Эллиот сами во всем разберемся, – закончил за него Ласло.

Поверенный посмотрел на него с сомнением:

– Ты уверен?

– Абсолютно, – так резко ответил Ласло, что Френкель покраснел и отрывисто кивнул, а Пруденс бросило в дрожь.

– Вы в надежных руках, мисс Эллиот, – сказал ей поверенный. – Внук мистера де Жадань знает коллекцию почти так же хорошо, как он сам.

Потрясение было таким сильным, что Пруденс начало казаться, что стены комнаты закачались. Подумать только! Янош Олмеш де Жадань – дедушка Ласло. Но как это возможно? Янош Олмеш де Жадань мультимиллиардер, а Ласло цыган, который живет в трейлере. Как эти два человека могут быть родственниками?

Надеясь, что ослышалась, Пруденс посмотрела на Ласло и вместо холодного равнодушия увидела в его взгляде гнев и презрение.

Внутри у нее все сжалось от страха. Похоже, мистер Френкель сказал правду. С бешено колотящимся сердцем она тупо посмотрела на поверенного, но тот, похоже, не осознавал, какой ужас поселил в ее душе одной-единственной фразой.

– Не буду вам мешать, – сказал Френкель, прокашлявшись. – До свидания, мисс Эллиот. Не провожай меня, Ласло.

– Спасибо вам, Якоб, – поблагодарил его Ласло, не сводя глаз с Пруденс. Его глаза сверкали подобно огненным искрам. – Наслаждайтесь вечером. И не беспокойтесь. Обещаю, что мисс Эллиот будет окружена моей заботой и вниманием.

В комнате было тепло, но Пруденс внезапно бросило в дрожь. Глядя вслед удаляющемуся Френкелю, она едва сдерживала свое отчаяние. Ей хотелось догнать поверенного и попросить его остаться, но ее ноги словно приросли к полу. Ее нервы были напряжены до предела. Она тупо смотрела на картины на стене. Всего несколько минут назад это занятие доставляло ей удовольствие. Сейчас ей казалось, что люди, изображенные на портретах, смеются над ее глупостью.

Постепенно ее потрясение и замешательство начали ослабевать, уступая место раздражению. Эта неожиданная встреча шокировала их обоих, но у нее определенно больше причин, чтобы расстроиться. Она определенно заслуживает объяснений. Как он может просто стоять и молчать?

Посмотрев на его лицо, которое было лишено какого-либо выражения, она стиснула зубы. Ласло Циффра несколько не изменился. Он ждет, когда она первая начнет действовать, словно он свидетель, а не активный участник происходящего.

– Делая вид, что меня здесь нет, ты не решишь проблему, – спокойно произнесла она, встретившись с ним взглядом. – Нам нужно во всем разобраться.

– Разобраться? – Ласло издал невеселый смешок. – Значит, вот что нам, по-твоему, нужно сделать? Значит, ты приехала сюда вместо заболевшего Сеймура.

Не сводя с него глаз, Пруденс кивнула и прокашлялась.

– А ты, значит, внук мистера де Жадань.

За этим последовало долгое молчание. Когда она начала думать, что Ласло не собирается ничего ей объяснять, он вздохнул и произнес:

– Мою мать звали Жофия Олмеш де Жадань. Она была единственным ребенком Яноша. Когда ей было шестнадцать, она познакомилась с моим отцом Иштваном. Ему было семнадцать. Он был из кэлдэраров¹. Обе семьи были против их отношений, но они так сильно друг друга любили, что их ничто не могло разлучить. – Его глаза блестели, в словах слышался укор. – Они поженились, а девять месяцев спустя родился я.

Пруденс тупо уставилась на него. Почему в Англии он жил в обшарпанном трейлере? Он взбунтовался против чего-то? Или, может, отдалился от семьи своей матери? Она вдруг поняла, что почти ничего о нем не знала. Что он говорил ей полуправду.

– Что ты делал в Англии? – спросила она.

Ласло нахмурился:

– После смерти своих родителей я общался с обеими семьями. Мой дед хотел, чтобы я получил образование, поэтому во время учебы я жил в Венгрии, а каникулы проводил с родными отца, которые вели кочевой образ жизни. Я хотел дать обеим семьям понять, что люблю их одинаково.

Пруденс заставила себя посмотреть ему в глаза.

– Ясно, – сказала она. – Но со мной ты не хотел быть откровенным?

Ласло напрягся и, опустив взгляд, окинул им ее фигуру.

– Нет, не хотел, – наконец ответил он.

Пруденс вмиг забыла о своем решении сохранять спокойствие.

– Неужели ты не считаешь, что было бы честнее сказать мне всю правду? – яростно бросила она. – Сказать, что твой дедушка – один из богатейших людей в Европе, а ты живешь в замке, наполненном бесценными произведениями искусства?

Он отвернулся и пожал плечами. Пруденс чуть не затряслась от гнева. Как он смеет пожимать плечами, будто ему безразлично, что он ей солгал. Будто она никогда не занимала важного места в его жизни.

– Что бы это изменило? – отрезал он. – Ты не знала обо мне многих фактов. Почему ты заострила свое внимание именно на этом? – Его лицо исказила гримаса презрения. – Или, может, на самом деле ты хотела бы, чтобы я поделился с тобой не правдой, а чем-то другим? Например, деньгами моего деда?

У Пруденс перехватило дыхание.

¹ От румынского «căldărari» (котляры, котельщики). Цыганская этническая группа, входящая в состав большой цыганской группы рома.

– Как ты посмел такое сказать? – Она подошла к нему. Все ее тело тряслось от гнева. – Да как тебе вообще это в голову пришло? Не смей все искажать. Ты мне лгал, Ласло!

Его лицо побледнело.

– Я не лгал, – холодно произнес он. – Я наполовину цыган, и я действительно жил в трейлере.

– Значит, мне лгала твоя вторая половина, – саркастически усмехнулась она, с такой силой сжав руки в кулаки, что ногти впились в ладони. – Та, которая жила в замке.

– Ты верила тому, чему хотела верить.

Пруденс покачала головой:

– Я верила тому, что ты мне внушил. Это большая разница.

За этим последовала напряженная пауза, во время которой его глаза цвета янтаря опасно сузились.

– Ты до сих пор не поняла главного, Пруденс. Не имеет значения, во что верит человек, если в его сердце нет веры. – В его голосе была горечь, которой она раньше не слышала. – Без веры все это просто слова.

Пруденс резко вдохнула:

– Да. Это твои слова. Твои лживые слова, которые ты мне говорил. – Ее сердце бешено стучало, руки по-прежнему были сжаты в кулаки. – Не пытайся превратить это в философский спор, Ласло. Я расстроена, потому что ты мне лгал. Потому что ты лишил меня права выбора.

– Значит, мы квиты, – холодно ответил он.

Глава 2

Пруденс тупо уставилась на него.

Квиты?

– Что это значит? – яростно бросила она.

Ласло не ответил, но ей не был нужен его ответ, потому что она знала, о чем он говорит. Желание бросить ему вызов взяло верх над разочарованием, и она медленно покачала головой:

– Нет, Ласло. Если ты имеешь в виду тот факт, что конец нашим отношениям положила я, мы не квиты.

Ее дрожь усилилась, и она обхватила себя руками. Для того чтобы отказаться от Ласло и романтических надежд, ей пришлось сделать над собой огромное усилие. Если бы Ласло захотел, он бы смог ее остановить. Когда она заявила, что уходит от него, он сказал в ответ на это всего несколько слов. Она надеялась вовсе не на такую реакцию. Он отпустил ее. Таким был его выбор. Она помнила, каким холодным и неприступным он был при расставании.

Теперь ей было ясно, почему он прибегал к уловкам и отговоркам всякий раз, когда она просила его познакомить ее с его семьей. Какой же идиоткой она все-таки была! Она потеряла голову от любви и, будучи уверена в том, что чувства взаимны, подарила ему свое сердце и свою невинность.

Она устало посмотрела на него. Почему его ложь имеет для нее значение? В конце концов, она не может изменить прошлое. Не может изменить то, что его чувства к ней были не настолько сильными, чтобы он стал за нее бороться.

Этот разговор не имеет смысла. Зачем обсуждать отношения, которые закончились семь лет назад? Сейчас у нее другая жизнь. Возможно, не такая, о какой она мечтала, но это вполне хорошая жизнь, и она не позволит Ласло ее разрушить.

Ее пульс снова участился, и она с тоской посмотрела на дверь. Разумеется, она понимала, что не может уйти. Работа с коллекцией мистера де Жадань важна для Эдмунда. Она приехала в Венгрию именно для этого, и ей следует думать о работе, а не о своем неудачном романе семилетней давности. У нее не осталось никаких чувств к Ласло. Их встреча случайна. Поэтому она должна относиться к нему как к обычному клиенту.

Решив, что будет вести себя с ним как беспристрастный профессионал, она подняла подбородок и посмотрела на Ласло.

– Этот разговор ни к чему нас не приведет, – твердо произнесла она. – Я здесь для того, чтобы оказать профессиональную услугу твоему дедушке.

Напрягшись, Пруденс закусил губу. Знает ли Янош о ее отношениях с его внуком? Если да, это все усложнит. Но здравый смысл сказал ей, что Янош вряд ли в курсе. Они никогда не встречались. Наверное, после нее у Ласло было много других подружек. Ее щеки вспыхнули, и она поспешно прогнала эту мысль.

– Я знаю, что мистер де Жадань хочет, чтобы я как можно скорее начала составлять каталог его коллекции. Почему бы нам с тобой не отбросить в сторону наши разногласия и не перейти к делу? Может, объявим перемирие? – Пруденс натянуто улыбнулась и сжала руки в кулаки, чтобы не скрестить пальцы на удачу.

Ласло задумчиво смотрел на женщину, которую когда-то любил. Судя по ее примирительному тону, ей была нужна эта работа. Его взгляд задержался на жилке пульса, трепещущей у основания ее шеи. Тому, кто не был с ней знаком, она могла показаться сдержанной и невозмутимой. Но он знал другую Пруденс. Ту, которая страстно его ласкала и не менее страстно реагировала на его ласки.

Почувствовав напряжение в паху, он поднял взгляд и произнес с усмешкой:

– Ну, раз ты привела столь разумные доводы...

Пруденс настороженно посмотрела на него. Она не верила, что он так легко уступил. От Ласло никогда не знаешь, чего ждать.

– Спасибо, – ответила она. – Признаться, я немного удивлена.

Он холодно улыбнулся:

– Я знаю, как женщины любят сюрпризы.

– А я знаю, как мужчины не любят промедления. – Она прокашлялась. – Поэтому я предлагаю начать говорить о работе.

На ее щеках проступил легкий румянец. Взгляд Ласло скользнул вниз по ее серой блузке, подчеркивающей ее высокую грудь и узкую талию. Пруденс была так близко, что он смог бы к ней прикоснуться, если бы протянул руку. Вдохнув знакомый аромат жасмина, он обнаружил, что по-прежнему ее желает.

Ласло стиснул зубы и выругался про себя. Он так долго ненавидел ее за то, как она с ним обошлась, что это открытие повергло его в шок. Он не только ее желает, но и восхищается ей против своей воли. Он не знает больше ни одной женщины, которая держалась бы так хладнокровно в ситуации, подобной этой. Она всегда умела сохранять самообладание, несмотря ни на что. Но сейчас не время думать о достоинствах Пруденс. Ему следует сосредоточиться на ее недостатках.

– Помнится, ты всегда любила поговорить. А я считаю, что о человеке нужно судить не по словам, а по делам.

Щеки Пруденс вспыхнули. «Сконцентрируйся на цели своего приезда», – приказала она себе и, прокашлявшись, спокойно ответила:

– Как я уже говорила, мне известно, что твой дедушка хочет, чтобы каталог его коллекции составили как можно скорее. Она огромная, и, если мы хотим уложиться в срок, нам не следует терять драгоценное время.

– Тебе лучше знать. Ты специалист в этой области.

Его голос был мягким, как бархат. Вопреки своей воле Пруденс вспомнила, как он шептал ей нежные слова в постели, легонько водя пальцами по ее коже. Как их тела сливались воедино и настраивались на ритм друг друга.

Как она может все еще считать его сексуально привлекательным? Она же здравомыслящая женщина. Впрочем, она знает не понаслышке, как легко зов плоти может взять верх над здравым смыслом. Ни одна нормальная женщина не может остаться равнодушной к Ласло Циффре.

– Трех недель обычно достаточно для предварительной оценки. Во время этого этапа важно уделять особое внимание деталям. – Она нахмурилась. – И не беспокойся. Если у меня возникнут какие-то проблемы, я обращусь к мистеру Сеймуру. Я буду постоянно докладывать ему о том, как продвигается работа. – Она натянуто улыбнулась. – По-моему, всегда полезно выслушать точку зрения другого человека. Это добавляет ясности.

Ласло молча слушал ее, слегка прищурился. От этого ее нервозность только усиливалась. Напомнив себе, что ее не должно интересовать настроение Ласло, она расправила плечи и сказала:

– Я с радостью обсужу проблемы, связанные с каталогизацией коллекции мистера де Жадань.

– Это очевидно, – холодно ответил он. – Я знаю, как ты любишь обсуждать проблемы.

Пруденс охватил гнев. Он опять ее подкалывает, намекая на то, что было в прошлом. Разве они только что не заключили перемирие? Как они смогут жить под одной крышей, если он будет принимать в штыки каждое ее слово?

– Я не люблю обсуждать проблемы, – возразила она, вскинув подбородок. – Я просто считаю, что постоянное общение – залог построения хороших отношений.

В ее словах не было ничего предосудительного, но, поймав враждебный взгляд Ласло, Пруденс пожалела о них.

– Я не имела в виду нас с тобой, – поспешно добавила она.

Его губы скривились в презрительной усмешке.

– Не нужно ничего говорить. Я и так прекрасно знаю твою точку зрения на отношения. Ты мне отлично ее продемонстрировала, когда ушла от меня, Пруденс. – Ее имя он произнес так, словно оно было грязным ругательством. – Ты ясно дала мне понять, что я был жалким идиотом, когда думал, что у нас что-то может получиться, несмотря на мои многочисленные недостатки.

В его голосе было столько злобы, что ее бросило в дрожь.

– Н-нет. Я не... – Она не договорила, потому что в этот момент он приблизился к ней. Его глаза сверкали от ярости.

– Да, черт побери, – процедил он сквозь зубы. – Только ты ошибаешься. Эти недостатки были не моими, а твоими. Ты вела себя как трусливый сноб.

– Я не была ни трусихой, ни снобом! – яростно бросила она, возмущенная его несправедливым обвинением. – Я просто не хотела больше притворяться.

– Притворяться, что любишь меня? – цинично усмехнулся он.

– Делать вид, будто у нас есть что-то общее.

Ласло покачал головой:

– Например, преданность? Возможно, ты права. К таким вещам мы действительно относимся по-разному.

– Тебе нет необходимости напоминать мне о различиях между нами, – отрезала она. – Я все о них знаю. Именно поэтому у нас с тобой ничего не получилось. Не могло получиться.

Он смерил ее ледяным взглядом.

– Наши отношения развалились вовсе не потому, что мы были разными. Они развалились потому, что тебя эти различия волновали намного больше, чем меня, – отрезал Ласло. – Скажи мне, Пруденс, как тебе сейчас нравятся мои коммуникативные навыки? Я достаточно ясно выражаюсь?

Резко повернувшись, он направился к камину. Какое-то время Пруденс тупо смотрела на его спину, затем быстро пересекла комнату, схватила за руку и развернула к себе лицом:

– Мне на это плевать! Не смей говорить мне, что я думала и чувствовала семь лет назад! – Она выпятила подбородок и прищурилась. – Если меня и волновали различия между нами, то только потому, что они имели значение. Я, в отличие от тебя, люблю говорить о вещах, которые для меня важны. И, как бы пафосно это ни звучало, я стараюсь всегда говорить правду. Но что ты можешь об этом знать? Для тебя это как китайская грамота.

Его глаза потемнели от ярости.

– Правду? Ты бросила меня, потому что я был недостаточно хорош для тебя. Вот в чем заключается правда. Ты просто слишком труслива, чтобы это признать.

Пруденс неистово покачала головой:

– Как ты смеешь рассуждать о правде, когда мы находимся в этом замке? В твоём замке, о существовании которого я не знала до сегодняшнего дня? И мое упоминание о том, что крыша твоего трейлера протекала и что у нас почти не было денег на еду, вовсе не означало, что я считала тебя недостаточно хорошим.

– Эти вещи не должны были тебя волновать. Для меня они не имели никакого значения, – отрезал Ласло.

– Я знаю! Но для меня они имели значение, и ты не можешь меня за это осуждать, как и за то, что мы с тобой по-разному относимся к вещам. У нас были разногласия по многим вопросам, и это рано или поздно привело бы к серьезным проблемам. Только ты не был готов это признать. Поэтому не смей обвинять меня в трусости. Это ты был трусом.

Он подошел к ней вплотную, и она резко отпрянула.

– Я не трус, – спокойно произнес он, но блеск глаз выдавал его ярость.

Внутри у Пруденс все сжалось. Дух сопротивления внезапно ее покинул, и она почувствовала, что проиграла.

– Этот разговор ни к чему не приведет, – устало произнесла она. – Я знаю, что ты злишься. Мы оба злимся. Но почему бы нам не оставить в покое наше прошлое, по крайней мере до тех пор, пока я не закончу работать с коллекцией?

– Ты знаешь, как много значит для моего дедушки его коллекция? Знаешь, почему он решил составить ее каталог? – Ласло покачал головой. – Неужели после того, что произошло между нами, ты правда думаешь, что я смогу тебе доверять?

На мгновение Пруденс охватил страх. На что он намекает?

– Можешь, – произнесла она слегка дрожащим голосом. – Я буду хорошо работать. Даю честное слово.

Он поморщился, словно съел что-то кислое, и наклонил голову набок:

– Честное слово? Твое честное слово...

Его презрительный взгляд подействовал на нее как удар.

– Я просто хотела сказать...

– Не имеет значения, что ты хотела сказать, – перебил ее он. – Мы оба знаем, что твое слово ничего не стоит.

– О чем ты говоришь?

Ласло недоуменно покачал головой. Да что она за человек, черт побери? Он давно знал, что она трусиха, но не подозревал, что она отказывается признавать то, что сделала.

– Я оказал тебе честь, сделав тебе подарок. Самый ценный подарок, который только может сделать мужчина женщине. Я взял тебя в жены, а ты швырнула мой дар мне в лицо.

Пруденс была так потрясена, что раскрыла рот, но не смогла произнести ни слова.

Взял ее в жены? Не может же он считать, что они на самом деле женаты! Это же нелепо!

Пруденс мысленно перенеслась в тот день, когда его родственники завязали ей глаза и привели ее в трейлер его двоюродного дедушки. Ласло ждал ее там. Он выглядел серьезным и решительным. Они поклялись друг другу в любви и преданности, затем его двоюродный дедушка сказал что-то по-цыгански, и они съели немного хлеба и соли.

Они не муж и жена. Их брак был таким же фальшивым, как и его чувства к ней. Она всегда вспоминала об их свадебном обряде как о чем-то красивом и светлом. Только что он разрушил эту фантазию своим обвинением.

У нее возникло ощущение, будто она стоит на краю обрыва.

– Ты негодяй! Почему ты это делаешь? Почему пытаешься испортить воспоминания о том дне?

– Испортить? – Его черты исказились от ярости. – Это ты все испортила, когда от меня ушла. Это ты положила конец нашему браку.

– Мы с тобой не женаты, – напряженно произнесла она. – Брак – это нечто большее, нежели слова и поцелуи. Обвиняя меня в том, что у нас ничего не вышло, ты лжешь.

– Нет. У нас ничего не вышло, потому что ты не понимала и не уважала мой жизненный уклад. Цыганский образ жизни казался тебе странным и эксцентричным. Тебе нравилось, что я был другим, но ты не хотела, чтобы я таким оставался. Ты думала, что я забуду о своем цыганском происхождении, словно это так же просто, как сбросить маскарадный костюм после праздничной вечеринки. Но в моих жилах течет цыганская кровь. Это нельзя изменить.

– Вот только теперь ты живешь в замке, – произнесла она дрожащим голосом.

– Ты отклоняешься от темы разговора, Пруденс. Не имеет значения, где я жил и где живу сейчас. Мы все еще женаты. Я все еще твой муж, а ты моя жена.

Его слова возмутили ее, но ее сердце в ответ на них предательски затрепетало.

– То, что произошло в трейлере, не было свадьбой, Ласло. – Она тяжело сглотнула. – На ней не было ни священника, ни гостей, ни свидетелей. Мы не обменялись кольцами, не подписали никаких документов. Это не было свадьбой, и я тебе не жена.

Ласло покачал головой и грустно рассмеялся.

– Поверь мне, Пруденс, я бы хотел, чтобы ты не была моей женой, но ты моя жена. – Он сжал руки в кулаки. – В моей культуре свадьба – это нечто личное, касающееся только мужчины и женщины, вступающих в брак. Мы не регистрируем брак. Единственное условие, необходимое для брака, – это согласие жениха и невесты.

Пруденс снова охватил страх.

– Мы не женаты, – сказала она, покачав головой. – По крайней мере, не перед лицом закона.

Она заметила, что его черты слегка напряглись.

– Перед лицом твоего закона, возможно. Но перед лицом моего закона мы женаты. Мы все еще муж и жена, Пруденс.

Ее внезапно охватила паника. Похоже, Ласло верил в то, о чем говорил. Для нее церемония в трейлере была своеобразной репетицией классической свадьбы, о которой она мечтала, для него все происходило по-настоящему. По мнению Ласло, брачные клятвы важнее свидетельства о браке.

Что же она наделала семь лет назад!

Встретившись с ним взглядом, она обнаружила, что он с трудом сдерживает ярость.

– Ласло, я не...

– Разговор окончен, – тихо произнес он. – Мне жаль, что ты потратила время и деньги на поездку, но мы не нуждаемся в твоих услугах.

Кровь отхлынула от лица Пруденс.

– Что ты имеешь в виду? – пробормотала она. – Я не понимаю.

Ласло пронзил ее ледяным взглядом:

– Я имею в виду то, что ты уволена. Что твой договор разорван и эта встреча окончена. И что я больше не хочу тебя никогда видеть. – Он повернулся лицом к камину. – Так что забирай свои вещи и уходи из моего дома. Немедленно.

Глава 3

Пруденс показалось, что пол под ее ногами начал раскачиваться, и она схватилась за спинку кресла.

– Ты не можешь этого сделать. Не можешь просто взять и уволить меня.

– Еще как могу, – ответил он, повернувшись.

– Но это несправедливо! – возмутилась она, беспомощно глядя на него.

– Мне все равно.

Судя по его тону и выражению лица, он говорил правду. Она потеряла работу в тот момент, когда Ласло вошел в комнату. Что она скажет Эдмунду? Как они смогут вернуть долги банку и страховой компании?

– Нет, – сказала она.

– Что «нет»? – удивился Ласло.

Ее щеки вспыхнули.

– Я никуда не уеду. Я знаю, что совершила ошибку, но это случилось много лет назад. И ты не можешь меня за это уволить. Та история не может повлиять на мою работу над лекцией.

– Еще как может, – холодно возразил он. – Тебе недостает убежденности и преданности. Я не беру на работу людей, не обладающих этими качествами.

– Хватит! – яростно прошипела Пруденс, возмущенная его самоуверенностью и лицемерием. Как он смеет строить из себя человека, обладающего высокими нравственными принципами! Он ей лгал. К тому же он нарушил закон и был арестован. Она даже не знает, что он натворил. Ему следовало бы сосредоточиться на своих собственных недостатках, а не на ее. – Перестань меня осуждать, Ласло. Ты не невинная жертва. Ты мне лгал. Для тебя это, возможно, не имеет значения, но для меня имеет. – Она сделала паузу, чтобы перевести дух. – Только я не использую это против тебя. Я ни за что не опустилась бы так низко.

Ласло пристально посмотрел на нее:

– Правда? Мне интересно... – Он потер ладонью подбородок, покрытый темной щетиной. – Мне просто интересно, как сильно ты нуждаешься в этой работе, Пруденс. Ты готова меня умолять, чтобы я не лишал тебя ее?

К ее горлу поступила тошнота.

– Ты чудовище!

Его взгляд был холодным и безжалостным.

– Это моя месть, Пруденс. Я тебя уволю, и мы будем квиты. Поверь мне, ты легко отделалась. Если бы в Венгрии до сих пор водились волки, я бы отдал тебя им на съедение. Так что на твоём месте я бы ушел сейчас, пока это возможно.

– Что это значит? Ты мне угрожаешь?

– Угрожаю тебе? Конечно нет. Но наш разговор окончен, так что тебе следует принять это и уйти. – Его глаза насмешливо заблестели. – Это не должно быть для тебя проблемой. У тебя уже есть подобный опыт.

– Ты считаешь себя очень умным, не так ли? Давай проясним одну вещь. Этот разговор не окончен.

Ласло долго молча на нее смотрел, после чего произнес обманчиво мягким тоном:

– В таком случае тебе лучше начать говорить. Хотя я абсолютно уверен, что то, что ты мне скажешь, ничего не изменит.

Неужели он думает, что она будет его умолять? Сглотнув, она вскинула голову и уставилась на стену у него за спиной.

– Признаюсь, тогда я совершила несколько ошибок, но ты наказываешь меня за них сейчас. По-твоему, это разумно и справедливо?

Ласло медленно покачал головой.

– Справедливо? – повторил он. – С каких это пор тебя волнует справедливость? Ты бросила меня потому, что не хотела жить в грязном трейлере. Разве это было справедливо по отношению ко мне?

Пруденс снова бросило в жар. Да, она действительно сказала ему, что ей не нравится грязный трейлер с протекающей крышей, хотя была так сильно влюблена в Ласло, что смогла бы жить с ним в шалаше, если бы он ее об этом попросил. Тогда она хотела, чтобы он развеял ее страхи. Чтобы сказал, что не потеряет к ней интерес и не уйдет от нее к другой женщине. Но он не принял всерьез ее страхи и отмахнулся от нее, как от ноющего ребенка. Она не могла сказать ему правду, потому что в этом случае он узнал бы, насколько глубоки ее чувства к нему. Его реакция расстроила и разозлила ее, поэтому она и начала критиковать его жилищные условия.

Пруденс почувствовала сожаление, которое тут же уступило место гневу. Ласло выдернул ее слова из контекста и сделал ее единственной виновницей, а себя – невинной жертвой.

В отличие от нее он все эти годы считал их мужем и женой. Но в таком случае почему он не приложил усилия для того, чтобы сохранить их отношения? Неужели он думал, что все сложится само собой?

К ее горлу подкатился комок. Она пришла к нему, чтобы он заверил ее в том, что любит и не потеряет к ней интерес, а он вместо этого вынудил ее уйти, не оставив ей выбора. Воспоминания об этом причиняли ей боль.

– Достаточно, Ласло. Я больше не собираюсь говорить с тобой о прошлом. Если ты хотел обсудить наши отношения, тебе следовало сделать это тогда. Сейчас все это уже не важно.

Он подошел ближе, и она крепче вцепилась в спинку стула.

– Я не согласен. Я думаю, что, раз ты вернула наше прошлое в мою жизнь, это важно.

– Это неправда, Ласло. Это ты обратился к Сеймуру.

Разумеется, он выбрал фирму Эдмунда не специально. Он не знал ни как зовут ее дядю, ни чем он занимается. Вздыхнув, Пруденс решила, что сейчас не самый подходящий момент для того, чтобы сказать Ласло о ее родстве с Сеймуром.

– Я знаю, что ты не любишь нести ответственность за что-либо, но это твоя проблема.

– Мы оба знаем, что ты не любишь беспорядок, Пруденс.

– Мне было плевать на дырки в чертовом трейлере! – отрезала она. – Ты просто уцепился за это и не захотел меня слушать. Я вовсе не критиковала ни тебя, ни твой драгоценный Уиллерби Уэстморленд! Да, я аккуратная и люблю порядок. Именно поэтому у меня хорошо получается то, чем я занимаюсь. Возможно, тебе следовало бы задуматься над этим, вместо того чтобы насмехаться надо мной.

– Я не насмехаюсь над тобой, Пруденс. – Он пожал плечами. – Возможно, я на самом деле уцепился за ту фразу.

Пруденс изумленно уставилась на него. Неужели это что-то вроде извинения?

Ласло встретится с ней взглядом и вздохнул:

– Но это не может заставить меня передумать, Пруденс. Ты это понимаешь, правда?

– Да, понимаю. Но поскольку ты не единственный, кто должен принять решение, это не имеет значения.

Ласло нахмурился:

– Ты думаешь, что я здесь не главный?

– Я на это надеюсь. Ради мистера де Жадань. Сеймур лучший в своем деле. – Ее глаза неистово сверкнули. – Если ты отдашь эту работу другой фирме, ты таким образом дашь всем понять, что не разбираешься в искусстве.

– Я ценю красоту, как и большинство людей, – мягко сказал Ласло.

– Правда? – возразила Пруденс. – Что-то я этого не заметила. В тот единственный раз, когда мы вместе посещали выставку, ты почти все время провел в буфете.

Ласло пожал плечами:

– В комнате с приглушенным светом можно заняться чем-то более интересным, нежели просмотр экспонатов. Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду.

Пруденс снова бросило в жар.

– Или, может, ты забыла? – спросил он, не дожидаясь ее ответа. – Возможно, мне следует освежить твои воспоминания.

Ее глаза расширились, и Ласло почувствовал, как в паху у него все напряглось от желания.

– Я отклонился от темы. Мне нет необходимости любить искусство, Пруденс. Я просто хочу поддержать своего дедушку и...

– Удачи тебе в этом, Ласло! – грубо перебила его Пруденс. – Поддерживать кого-то подразумевает необходимость выполнять обязательства, быть надежным.

– На что ты намекаешь?

– Что тебя не хватит и на пять минут. – Она посмотрела на него с недоверием. – Пытаться привязать тебя к одному месту – это почти то же самое, что попросить тебя отказаться от своей души, своей сущности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.